

КЛАССИКА ЛЕКЦИЙ. ЛУЧШЕЕ

Константин
Станиславский

ЭТИКА

Издательство АСТ
Москва

УДК 7.091
ББК 85.333(2)
С76

Дизайнер *Алексей Родюшкин*

В оформлении переплета использована
картина Н.П. Ульянова (1875—1949)
«Константин Сергеевич Станиславский за работой» (1947),
Государственная Третьяковская галерея, Москва

Станиславский, Константин Сергеевич

С76 Этика / Константин Станиславский. — Москва: Издательство АСТ, 2025. — 320 с. — (Классика лекций. Лучшее).

ISBN 978-5-17-179921-2

«Этика» К.С. Станиславского — это книга о нравственных основах актерского мастерства. Он всю жизнь занимался вопросами этики и дисциплины, задумал написать об этом отдельную книгу, но не успел. Зато оставил много материалов на эту тему, самые известные из которых «Этика», «Этика и дисциплина», «Из заметок об артистической этике» и другие. Они все и составили эту книгу.

Идеи К. Станиславского по сей день актуальны для современного театра и помогают создавать спектакли, которые глубоко трогают и вдохновляют зрителей. Честность и искренность в актерской игре открывают путь к правдивому воплощению персонажей. Взаимное уважение и доверие между участниками процесса создают основу для плодотворных репетиций и успешных спектаклей. Ответственность перед зрителем побуждает осмысливать социальную значимость искусства.

Следуя системе К. Станиславского, театры могут сохранять высокие стандарты и находить новые формы выражения, актуальные для общества.

УДК 7.091
ББК 85.333(2)

ISBN 978-5-17-179921-2

© Государственная Третьяковская галерея, 2025
© ООО «Издательство АСТ», 2025

ЭТИКА

Этика

Действующие лица:

Преподаватель школы — Торцов.

Ученики — Говорков, Вьюнцов.

— Представьте себе на минуту, — обратился к нам Торцов, — что вы пришли в театр играть большую роль. Через полчаса — начало спектакля. У вас в частной жизни много мелких забот и неприятностей. В квартире беспорядок. Завелся домашний вор. Он украл недавно ваше пальто и новую пиджачную пару. Сейчас вы тоже в тревоге, так как, придя в уборную, заметили, что дома остался ключ от стола, где хранятся деньги. Ну, как их украдут?! А завтра — срок платежа за квартиру. Просрочить нельзя, так как ваши отношения с хозяйкой до последней степени обострены. А тут еще письмо из дома — болен отец. Это вас мучает: во-первых, потому что Вы его любите, а во-вторых, потому что, случись с ним что-нибудь, вы лишаетесь материальной поддержки, а жалованье в театре маленькое. Но неприятнее всего плохое отношение к вам актеров и начальства. Товарищи то и дело поднимают вас на смех, преподносят вам неприятные сюрпризы во вре-

мя спектакля: то умышленно пропустят необходимую реплику, то неожиданно изменят мизансцену, то шепнут во время действия что-нибудь обидное или неприличное. А вы — человек робкий, теряетесь, но это-то им и нужно, это-то и забавляет их. Они любят от скуки и ради потехи придумывать смешные номера.

Вникните поглубже в предполагаемые обстоятельства и решите: легко ли при таких условиях подготовить необходимое для творчества сценическое самочувствие.

Конечно, мы все признали, что это трудная задача, особенно для короткого срока, который остается до начала спектакля. Дай бог успеть загримироваться и одеться.

— Ну, об этом не заботьтесь, — успокаивал Торцов. Привычные руки актера наложат парик на голову, краски и наклейки на лицо. Это делается само собой, механически, вы и не заметите, как все будет готово. В самую последнюю минуту вы, во всяком случае, успеете прибежать на сцену. А там, отдышавшись, можно будет подумать и о «сценическом самочувствии». Вы думаете, что я шучу, иронизирую. Нет, к сожалению, приходится сознаться, что такое ненормальное отношение к своим артистическим обязанностям часто встречается в нашей закулисной жизни, — заключил Аркадий Николаевич.

После короткой паузы он продолжал: — Теперь я набросаю вам другую картину: условия вашей частной жизни, т.е. домашние неприятности, болезнь отца и прочее, остаются прежние, но зато в театре вас ждет

совсем иное: все члены артистической семьи поверили тому, о чем говорится в книге «Моя жизнь в искусстве». В ней сказано, что мы, артисты, — счастливые люди, так как во всем необъятном мире судьба дала нам несколько сотен кубических метров — наш театр, в котором мы можем создавать себе свою, особую, прекрасную артистическую жизнь, большей частью протекающую в атмосфере творчества, мечты и ее сценического воплощения в коллективной художественной работе, при постоянном общении с гениями: Шекспиром, Пушкиным, Гоголем, Мольером и другими.

Неужели этого мало для создания прекрасного уголка на земле?

Который из двух вариантов нам дорог — само собой ясно... Неясны только средства его достижения.

Они очень простые. Охраняйте ваш театр от всякой скверны, и сами собой создадутся и благоприятные условия для творчества и для необходимого вам актерского самочувствия.

В театр нельзя входить с грязными ногами. Грязь и пыль отряхайте при входе, калоши оставляйте в передней вместе со всеми мелкими заботами, дрызгами и неприятностями, которые портят жизнь и отвлекают внимание от искусства. Отхаркайтесь, прежде чем войти в театр. А войдя, уже не позволяйте себе плевать по всем углам. Между тем, в подавляющем большинстве случаев, актеры со всех сторон вносят в театр всякие житейские мерзости, сплетни, интриги, пересуды, клевету, зависть, мелкое самолюбие. В результате получа-

ется не храм искусства, а плевательница, сорный ящик, помойка.

— Это, знаете ли, неизбежно, человечно. Успех, слава, соревнование, зависть, — заступался Говорков за театральные нравы.

— Всё это надо с корнем вырвать из души, — еще энергичнее настаивал Торцов.

— Да разве это возможно? — продолжал спорить Говорков.

— Хорошо. Допустим, что совсем избавиться от житейских мелочей нельзя, но временно не думать о них, отвлечься более интересным делом, конечно, можно. Стоит крепко, сознательно захотеть этого.

— Легко сказать, — сомневался Говорков.

— Если же и это вам не по силам, то, пожалуйста, живите вашими домашними дрызгами, но только для себя и не портите настроения другим.

— Это еще труднее. Каждому хочется поделиться своими неприятностями с другими, облегчить душу, — не соглашались спорщики...

— Надо однажды и навсегда понять, что перебирать на людях свое грязное белье некультурно, что в этом сказывается отсутствие выдержки, неуважение к окружающим, эгоизм, распушенность, дурная привычка... Надо раз и навсегда отказаться от самооплакивания и самооплевывания. В обществе надо улыбаться, как это делают американцы. Они не любят наморщенных бровей. Плачь и грусти дома или про себя, а на людях будь бодр, весел и приятен. Надо дисциплинировать себя в этом отношении.

— Мы бы рады, да как этого добиться? — недоумевали ученики.

— Думайте побольше о других и поменьше о себе. Заботьтесь об общем настроении и общем деле, тогда и вам будет хорошо. Если каждый из трехсот человек театрального коллектива будет приносить в театр бодрые чувства, то это излечит даже самого черного меланхолика.

Что лучше: копаться в собственной душе или общими усилиями с помощью трехсот человек отвлекаться от самооплакивания и отдаваться любимому делу? Кто более свободен: тот ли, кто ограждает только свою независимость, или тот, кто, забыв о себе, заботится о свободе других? Если все будут заботиться обо всех, то в конечном счете все человечество явится защитником и моей личной свободы.

— Как же так? — не понимал Вьюнцов.

— Что же тут непонятного, — удивился Аркадий Николаевич. — Если 99 человек из ста заботятся об общей, а значит, и моей свободе, то мне, сотому, будет очень хорошо жить на свете. Но зато если все девяносто девять будут думать лишь о своей личной свободе и ради нее угнетать других, а значит и меня, то, чтобы отстоять свою свободу, мне придется одному бороться со всеми девяносто девятью эгоистами. Заботясь только о своей свободе, они тем самым против воли насилуют мою независимость. То же и в нашем деле: пусть не один вы, а все члены театральной семьи думают о том, что бы вам жилось хорошо в стенах театра. Тогда создастся атмосфера, которая победит дурное настроение

и заставит забыть житейские дрязги. В таких условиях вам легко будет работать. Эту готовность к занятиям, это бодрое расположение духа я на своем языке называю предрабочим состоянием. С ним всегда нужно приходить в театр.

Порядок, дисциплина, этика и прочее нужны нам не только для общего строя дела, но главным образом для художественных целей нашего искусства и творчества.

Первым условием для создания «предрабочего состояния» является выполнение девиза: «Люби искусство в себе, а не себя в искусстве». Поэтому прежде всего заботьтесь о том, чтобы вашему искусству было хорошо в театре.

Одним из условий создания порядка и здоровой атмосферы в театре является укрепление авторитета тех лиц, которым, по тем или иным причинам, приходится стоять во главе дела.

Пока выбор руководителя не сделан и назначение не состоялось, можно спорить, бороться, протестовать против того или иного кандидата на руководящий пост; но раз что данное лицо стало во главе дела или в управлении его частью, приходится, ради пользы дела и своей собственной, всячески поддерживать руководителя, и чем он слабее, тем больше нуждается в поддержке. Ведь если начальник не будет пользоваться авторитетом, главный двигательный центр всего дела окажется парализованным. Подумайте, к чему придет коллективное дело без инициатора, толкающего и направляющего все работу... Мы же любим оплевать, дискредитировать, уничтожать тех, кого сами же

возвеличили. Если же талантливый человек помимо нас займет высокий пост или чем-нибудь возвысится над общим уровнем, мы все, общими усилиями, стараемся ударить его по макушке, приговаривая при этом: «Не смей возвышаться. Не лезь вперед, выскочка». Сколько талантливых и нужных нам людей погибло таким образом. Немногие, наперекор всему, достигали всеобщего признания и преклонения. Но зато нахалам, которым удается забрать нас в руки, — лафа. Мы будем ворчать про себя, но будем терпеть, так как у нас нет единоклассника, нам трудно и боязно свергнуть того, кто нас запугивает.

Борьба за первенство актеров, режиссеров, ревность к успехам товарищей, оценка людей по жалованью и по амплу, за исключением отдельных случаев, сильно привились в нашем деле и приносят ему большое зло. Мы прикрываем свое самолюбие, зависть, интриги всевозможными красивыми словами вроде «благородное соревнование», но сквозь них все время просачиваются ядовитые испарения дурной закулисной актерской зависти и интриги, отравляющие атмосферу театра.

Боясь конкуренции или из мелкой зависти, актеры принимают в штыки всех вновь поступающих в их театральную семью. Если новички выдерживают испытание — их счастье. Но сколько таких, которые пугаются, теряют веру в себя и гибнут.

В этих случаях актеры уподобляются школьникам, которые также пропускают сквозь строй каждого новичка, вступающего в школу.

Как эта психология близка к звериной.

Вот с этой звериной психологией, которая, к стыду актеров, за исключением некоторых театров существует в их среде, надо бороться в первую очередь. Она сильна не только среди новичков — она царит и среди старых кадровых артистов. Я слышал, например, как две большие артистки обменивались не только за кулисами, но и на сцене такими ругательствами, которым позавидовала бы рыночная торговка. Два известных талантливых артиста требовали, чтобы их не выпускали на сцену через одну и ту же дверь или кулису. Я знаю, как знаменитый премьер и премьерша годами не разговаривали друг с другом и вели на репетициях беседу не непосредственно, а через режиссера. «Скажите артистке такой-то, — говорил премьер, — что она говорит ерунду». — «Передайте артисту такому-то, — обращалась к режиссеру премьерша, — что он невежа».

Ради чего талантливые люди растлевали то самое, когда-то прекрасное, дело, которое они в свое время сами создавали? Из-за личных, мелких ничтожных обид и недоразумений.

Вот до какого падения, до какого самоотравления доходят актерские инстинкты.

Пусть же это послужит вам предостережением и назидательным примером.

* * *

В театре часто наблюдается такое явление: самые большие требования к режиссерам и к начальствующим лицам предъявляют те из молодежи, которые

меньше всех умеют и знают. Они хотят работать с самыми лучшими и не прощают тем, кто не может проделать с ними чудес. Как мало основания в таких требованиях начинающего.

Казалось бы, что молодым актерам есть чему поучиться, есть что позаимствовать у мало-мальски одаренного талантом и умудренного опытом. От каждого можно что-нибудь взять и узнать многое. Для этого надо самому научиться брать то, что нужно и важно.

Поэтому не привередничайте, отбросьте критиканство и всматривайтесь внимательнее в то, что вам дают более опытные, хотя бы они и не были гениями. Надо уметь брать полезное.

Недостатки перенимать — легко, но достоинства — трудно.

У многих актеров (особенно у гастролеров) есть недопустимая привычка репетировать в четверть голоса.

Кому нужно такое едва слышное бормотание слов роли, без внутреннего их переживания или даже осмысливания? Это бессмысленное болтание текста вывихивает роль, так как актер привыкает к ремесленной игре. А вы знаете, как всякий вывих портит правильную линию действия. Разве такая реплика нужна партнеру? Что ему делать с ней и как относиться к такому механическому выбалтыванию слов, затушевыванию мыслей, подмене чувств? Неправильная реплика или переживание вызывают такой же неправильный ответ и неверное чувство партнера. Кому нужны такие репетиции «для очистки совести»?